

Трудные вопросы и непростые ответы

Рассмотрены некоторые трудные вопросы, которые задают библиотекари у нас и за рубежом.

Как ответить на вопрос читателя или библиотекаря, если не знаешь ответа? Раньше, по моему мнению, таких вопросов было очень мало. Потому что не воспитывалось умение думать, анализировать данные, в том числе статистические, сопоставлять известные факты, взятые из нескольких источников.

Сегодня профессиональных журналов в стране издается в пять раз больше, а книг – в десять раз, чем, например, тридцать лет назад. Это по названиям. А вот тиражи резко упали. Для книг пятидесятитысячный тираж теперь считается «потолочным». Я думаю, что далеко не всякий российский библиотекарь читает больше трех журналов регулярно. Поэтому часто спрашивают о том, что кто-то где-то слышал. Я советую: научитесь искать информацию в Интернете. А мне в ответ говорят: в Интернете книг и статей нет. Многие есть, а если нет, то по простой причине: не успели «ввести». Но мы говорим не о книгах, а об информации!

Когда я был за рубежом, меня часто спрашивали: «Что такое “Библиотека иностранной литературы” в Москве?». Простой ответ на этот вопрос (как в шахматной партии: e2 – e4) быстро приводил к детскому мату: я оказывался в тупике – на очередной вопрос уже не мог ответить иначе, чем «так получилось». Я защищался, приводил много аргументов. Но они как-то легко отскакивали от стенки, построенной собеседниками. У них «своя голова на плечах». Если меня спрашивали о Театральной библиотеке (сейчас – Российская государственная библиотека по искусству), отвечать было просто: такие библиотеки есть в каждой стране. А вот «библиотек иностранной литературы» нет.

В Париже есть Американская библиотека, но в её фондах – книги не только на английском языке. Для любой зарубежной библиотеки норма, что язык не может быть «элементообразующей» категорией для создания отдельно взятой библиотеки. А вот в нашей стране – может. Что там ВГБИЛ – у неё богатейшие фонды, великая история. Не все знают, что у нас кое-где есть «настоящие» «национальные» библиотеки (впервые увидел такую в Челябинске). Вошел и понял, что меня обманули: справа – фонд на национальном языке, слева – на русском. Никакая она не «национальная». Просто неправильная: не подумали библиотекари, что книги должны стоять рядом по содержанию, а не по языку – один и тот же роман на русском и на языке оригинала. Так они стояли, например, в моем родном Тбилиси.

«Где вы читаете», – спросил я в 1980-х годах русскую девушку, живущую в Латвии. Она ответила: «Русские книги беру в библиотеке войсковой части, за латышскими – езжу в город: в городской библиотеке есть и книги на русском языке. А в библиотеке войсковой части книг на латышском нет, даже учебников». (Она окончила университет в Риге, хорошо знает латышский язык, поэтому у нее нет проблем с гражданством.) Теперь вы понимаете, почему появилось «русскоязычное население»?

А вот другой вопрос, на который нет «умного» ответа: «Почему у вас в стране дети ходят в одни библиотеки, а взрослые – в другие?» В советское время можно было, вспомнив Н. К. Крупскую, сказать, что это наше великое завоевание. Но когда мне в ответ сказали: «Вы так думаете? Или это вам так приказали говорить в КГБ?», я понял, что в открытой дискуссии проиграю. Поинтересовался у зарубежных коллег, почему наш «порядок» для них неприемлем. Мне ответили прямо: он и для вас неприемлем, у вас в стране детей обокрали. Так я стал верить в «буржуазные принципы библиотечного обслуживания детей» и даже напечатал об этом статью. Прошло много лет, однако у нас (хотя страна перестала быть социалистической) ничего в этом плане не изменилось.

«Трудные вопросы» задают не только за рубежом. Считается, что крупнейшая в мире библиотека – Библиотека Конгресса США, которая явно превосходит, например РГБ или РНБ. Но первое же мое замечание – «Это как считать...» – вызывает у аудитории смятение: «Ну так же принято!» Начинаем рассуждать, и оказывается, что не всё так просто. «Она крупнейшая по фондам», – говорят мне. Объясняю: «фонды» – понятие конкретное, их можно подсчитывать в названиях, что более правильно, и в экземплярах. Это если речь идет о книгах и брошюрах, иначе говоря, «корешках». Думаем дальше: что такое «корешок» в

отношении газеты или журнала? Годовой комплект? А ведь журналы бывают толстые и тонкие... Так мы приходим к пониманию необходимости стандарта международной статистики. Иначе сравнивать трудно, если не сказать прямо – невозможно. Что такое стандарт? Ясно, что это форма общественного договора, общих, признанных всеми принципов. А как можно сравнивать, если одни библиотеки эти принципы признают «частично»? Как можно сравнить, например, те же фонды, если мы не знаем, сколько названий книг у нас в фондах библиотек? Не считали и не считаем. Сегодня, когда есть Интернет, можно просто открыть веб-сайты национальных библиотек мира и сравнить количество «единиц хранения». Так и хочется сказать: что же мы всем и всегда верим? Порой надо посмотреть на мир своими глазами. И подумать.

Мы не знаем, какую часть фонда отражают наши электронные каталоги, объем которых до сих пор считают в «библиографических описаниях» (это неграмотно: нужно говорить о библиографических записях). Да и карточные каталоги у нас подсчитываются в карточках, хотя грамотный библиотекарь знает, что на одно название может быть, кроме основной в каждом каталоге, немало добавочных и дополнительных... Это сколько же должно быть карточек, если в фондах, предположим, 10 или 50 млн того, что называется «единицами хранения»? И где эти карточки были до тех пор, пока ЭК в библиотеках не было? Ответ простой: у нас на карточке одно название и шифры хранения (для каждого экземпляра). Иногда этих шифров бывает так много, что на карточке места не остается.

Сравнивая каталоги РГБ и РНБ, можно многое увидеть. До 1917 г. Императорская публичная библиотека (нынешняя РНБ) развивалась равномерно, наращивала объем фондов с каждым годом. И этот процесс продолжается до сих пор. А в «Ленинке» (РГБ) в послереволюционные годы наблюдалось скачкообразное развитие: количество «единиц хранения» увеличивалось. Несмотря на то, что столько книг в молодой советской республике не издавалось, а границы были на замке, фонды росли и росли... за счет экспроприации частных и «малозначимых» библиотек. Итог – много экземпляров одного названия. О том, хорошо это или плохо, еще надо подумать.

Отражается ли это на обслуживании читателей? Делайте выводы сами. В Библиотеке Конгресса США зарубежная литература выдается абонентам за пределы библиотеки. «Даже единственный экземпляр», – спросил я. Получил ответ: «У нас, как и у вас в Москве, зарубежные книги хранятся только в одном экземпляре. Зачем же хранить, если не выдавать? Библиотека – не музей и не архив: архивная функция распространяется на издания своей страны». Там же наблюдал, как комплектователи поделили пачку книг на русском и испанском языках на две части. Меньшая пойдет в фонд, а большая библиотеке не нужна. Я долго сопоставлял факты. У нас в «Ленинке» в фонды включается любое издание, оказавшееся в библиотеке. Надолго запомню книгу «План расположения платных туалетов в Гонконге» (или в Сингапуре?). Я спрашивал, зачем «это» нам? Мне отвечали: «Профиль комплектования – закон жизни. К тому же на книге уже стоит регистрационный номер и штампель (цензор поставил и свой разрешительный знак). Поэтому сделать ничего нельзя». А систематизаторы не знали, какой для этой книги взять индекс ББК. (Пристроили, наверное, в бытовое обслуживание населения, к парикмахерским и кладбищам.)

Разговор о том, какая из национальных библиотек самая большая, лучше перевести в иную плоскость: какая самая лучшая. Меня об этом часто спрашивают. Наиболее комфортно я себя чувствовал в Библиотеке Конгресса США. Там меня никто ни о чем не спрашивал. И мне не надо было спрашивать: везде всё понятно. В своей же родной библиотеке, в которой я работаю почти сорок лет, мне многое непонятно. И не у кого спросить. Нашу «систему» я знаю хорошо. Очень она у нас прочная. На все вопросы один ответ: так получилось, так сложилось, таковы правила.

О том, какая из национальных библиотек лучшая, сразу ответить трудно: сначала нужно в ней поработать. Качество библиотеки характеризует её отношение к читателям. Почему В. И. Ленин так любил Британский музей? На этот вопрос он ответил сам: все книги принесут на стол, за которым работаешь, не надо ходить по специализированным отделам. Это очень важный для читателей критерий. Мы открываем специализированные отделы со своими «коллекциями», заставляя читателей ходить по комнатам, этажам, корпусам, «в другое здание». Нам это удобно и даже материально выгодно (больше заведующих со своими фондами). А каково читателям? Мы о них подумали, у них спросили? Мне возражают: так ведь в Библиотеке Конгресса тоже есть Славянский отдел. Да, я там был. Без провожатого пришёл из нового здания в старое, не предъявляя удостоверений и пропусков поднялся на нужный ярус, подошел к родным книгам на русском языке. И только у полок ко мне подошел американец и предложил помочь. Я сказал по-английски, что я из Москвы, а он представился по-русски... Если бы в тот момент кто-нибудь попросил у меня «пропуск», я бы принял его за инопланетянина.

Ещё один часто задаваемый вопрос: «Какой день следует считать днём открытия библиотеки? Как это принято в мире?» Чувствуя подвох, спрашиваю: «А почему вас это интересует?» Отвечают: «12 лет назад у нас заложили первый камень на месте строительства библиотеки. Правда, строили недолго – закончились деньги. Какая дата будет считаться днем основания библиотеки – когда первый камень заложили или когда откроется библиотека?» Во всем мире днем рождения библиотеки считается дата, когда «ленточку разрезали» и вошли читатели. У нас в России свои порядки.

На сайте www.nlr.ru читаю об истории Императорской публичной библиотеки (РНБ): «16 (27) мая 1795 года императрица Екатерина II Высочайшим своим повелением одобрила... проект постройки здания Императорской Публичной библиотеки... По приказанию Екатерины II летом и осенью 1795 года сначала на подводах из Варшавы до Риги, а затем морем в Петербург была доставлена книжная и рукописная коллекция братьев Залуских, ставшая основой иностранного фонда Публичной библиотеки. Полученное собрание Екатерина II предполагала объединить с уже находящимся в распоряжении Императорского двора Эрмитажной библиотекой и личными собраниями Вольтера, Дидро, а также президента Петербургской Академии наук и И. А. Корфа. Этому плану, правда, суждено было осуществиться в полной мере только в 1860-е годы... Открытие Публичной библиотеки состоялось в торжественной обстановке 2(14) января 1814 года». Но в историю вошло 27 мая, и в этот день мы празднуем Общероссийский день библиотек. Комментировать не стану.

Долгое время днем основания «Ленинки» (РГБ) считалось 1 июля 1862 г. В этот день в Румянцевский музей вошли первые читатели. Мы отмечали юбилеи, награждали сотрудников. Но нашим коллегам из бывшей Императорской публичной библиотеки очень хотелось доказать, что мы «родились» в Санкт-Петербурге. Нашей библиотеке подарили картину с изображением дома на Английской набережной, где всё и произошло. Перед очередным директором поставили задачу: признайте другую дату основания «Ленинки!» Тогда у вас скоро будет юбилей. И дата есть, подтвержденная документом: 22 марта (3 апреля) 1828 г. имп. Николай I издал указ Правительствующему Сенату об учреждении... «Румянцевского музеума». Всё бы хорошо, но на месте многоточия было написано «в Санкт-Петербурге». Мелочь... Зато библиотека стала на 33 года старше! Признали. Отметили новый юбилей. Однако в мире нас не понимают.

После выхода сборника моих статей «Каталогизация и классификация. Электронные каталоги и автоматизированные библиотечные системы» (С.-Петербург : Профессия, 2009) поток «трудных вопросов» увеличился. Теперь спрашивают: «Что нам делать...?» Вот один из вопросов: «У нас в городе четыре крупные библиотеки, у каждой – свой электронный каталог, четыре разные АБИС. Прочитали, что это плохо для читателей, подумали (наконец-то подумали) над этим. Что нам делать?» Очень хорошо, что горизонт «осознания проблем» у библиотекарей каждой библиотеки расширился. Задаю встречный вопрос: «Есть ли в вашем городе совет директоров библиотек?» Меня не сразу понимают, потом говорят, что нет и никогда не было (а зачем?). Ведомства, к которым относятся библиотеки и откуда получают деньги, разные.

Объясняю: решить вопрос о едином для города электронном каталоге могут только директора всех библиотек, если соберутся вместе и в качестве экспертов возьмут сотрудников, которые приобрели разные АБИС. Кстати, я не знаю ни одного города, есть где свой единый электронный каталог. Все торопились делать свои собственные, о городе, читателях, студентах никто не думал.

У меня часто спрашивают: «С ключевыми словами сначала работаете просто, но в итоге получается одно безобразие. Что делать?» Разве я не ответил на этот вопрос? И в сборнике статей 2009 г., и еще раньше – в «Школе индексирования» (Москва : Либерия, 2005) ясно сказано: для наших библиотек ключевыми словами вполне могут быть рубрики алфавитно-предметного указателя, терминология которых отрегулирована таблицами классификации (как УДК, так и ББК). Не придумывайте сами ключевых слов! Работайте по традиционной методике постоянного, повседневного ведения АПУ с систематической контрольной картотекой (СКК). Так сказано в ГОСТе 7.59–2003. Его никто не отменял. Если у таких «ключевых слов» будут стоять соответствующие классификационные индексы, элементарно просто обеспечить по ним поиск не только в том же электронном каталоге, но и в карточном – за тот период времени, который не отражен в ЭК.

Еще один очень трудный вопрос, за которым я всегда чувствую подвох: «Как вам нравится работа нашей виртуальной справки (иногда называется конкретная библиотека)?» Чтобы оценить качество ответов, нужно познакомиться с архивом ответов. Волосы встают дыбом. Отвечаю: не нравится. Не понимаю, почему

«виртуальщики» (они сами себя так называют) берут на себя составление списков к курсовым работам. Ведь составление такого списка – учебная задача, за которую, в том числе, ставится оценка. Чем может помочь библиотека учащемуся? Дать одно-два названия, перечислить фамилии специалистов по вопросу, научить, как искать. Но можно ведь и пригласить задающего вопрос в библиотеку, обратиться к библиографу – тот его научит. Списки, которые я встречаю, не тянут даже на «троечку»: половина литературы упущена. Сегодня, например, любой список должен начинаться с Федеральных законов, технических регламентов и стандартов, нормативных материалов. Об этом забывают сплошь и рядом.

Почему в списки включают литературу, которую нашли в Интернете? Разве раньше литература на эту тему не издавалась? Разве нет справочников, энциклопедий, указателей? Приведу пример. Девушка Карина поинтересовалась: «Мне рассказывали, что моё имя имеет отношение к челюскинцам. Так ли это?» В библиотеке ей ответили: «О челюскинцах нет литературы, только одна детская книжка 1984 г.». Но это неправда: литературы много. Отвечаю Карине: «Ваша тетка родилась в семье челюскинцев на льдине, и её назвали так – от Карского моря». Даже об этом эпизоде я нашел информацию в Интернете (http://www.russianseattle.com/hidden_chelyuskin_2003.htm). Стыдно мне стало за библиотекарей.

Мог бы еще много написать о своих наблюдениях и результатах анализа ответов на трудные вопросы. Так что же происходит у нас с библиографами? Разве не ясно, что оператором виртуальной справки должен работать опытный библиограф, прошедший школу в библиотеке на справочно-библиографическом обслуживании? Интернет – инструмент, работе с которым можно обучиться. Но есть и другая точка зрения: главное – уметь работать в Интернете, со временем остальному научишься. У некоторых операторов нет библиотечного образования. Так и хочется спросить: кто эти люди? Уверен ли тот, кто их выбирал, в их «справочно-библиографической квалификации»? Я знаком с сотрудниками виртуальной справки в РГБ, горжусь ими. Здесь работают библиографы, прошедшие сквозь огонь и воду устного справочного обслуживания.

Мы постоянно торопимся. Быстро хочется что-нибудь найти, списать и отправить. Мне так и сказали: где уж тут думать, деньги надо зарабатывать. И в этой повседневности забываем о нашей квалификации.